

НОЧЬ НА РАЗМЫШЛЕНІЯ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Е

КНЯЗЯ СЕРГІЯ ШИХМАТОВА,

Члена Императорской Россійской
Академіи и Бесѣды Любителей Рускаго
Слова.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

печатано при Императорской Академіи Наукъ.

1 8 1 4.

Положено печатать по опредѣленію

ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи.

Членъ и Непремѣнный Секретарь

Петръ Соколовъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ВЪЦЕ-АДМИРАЛУ,

ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА ЧЛЕНУ,

ИМПЕРАТОРСКОЙ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ПРЕЗИДЕНТУ

И

КАВАЛЕРУ,

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

ШИШКОВУ.

Любитель мудрости, и славимый вишя,
Кому согласная съ Царемъ ея Россія
Богатство явѣрила словесности своей,
Чтобъ тѣмъ обогатить умы ея дѣтей,
Чтобъ славясь ихъ языкъ умножилъ блескъ ихъ славы,
Чтобъ въ Рускихъ Рускіе возобновились нравы,
Чтобъ въра съ торжествомъ входила въ ихъ сердца
Явленіемъ словесъ небеснаго Отца,
И пѣсней дольниго духовнаго Сіона;
Наставникъ, Меценатъ, предшатель мой у прона,
Позволь мнѣ вновь предстать къ тебѣ на правый судъ,
Позволь — и пріими силъ слабыхъ малый трудъ,
Какъ дань безлестную души благодарящей,
Усердіемъ къ тебѣ какъ пламенемъ горящей.

Къ таланту скудному вниманіе склоня,
Ты первый ободрилъ спрашливаго меня
Дерзнуть на поприще словеснаго искусства;
Ты въ грудь мою вдыхалъ свои сердечны чувства,
Ты въ разумъ мой вливалъ свѣтъ мудрости твоей,
Ты былъ для юности неопытной моей
Защитой и вождемъ, примѣромъ и покровомъ.
И естли что либо воспѣлъ я Рускимъ словомъ,
Что можно съ пользою, съ пріятностью прочесть,
То плодъ твоихъ сѣмянъ, тебѣ квала и честь.

Чту правила твои, украшенны вѣнцами,
Изящными твоихъ писаній образцами;
Носящій съ вѣрою въ сердечной глубинѣ
Пылающую любовь къ отеческой странѣ,
Достоинъ ты вѣщать въ услышанье вселенной
Величье и мощь Россіи обновленной,
Гремѣть о Промыслѣ, который отъ небесъ
Гордыню низложилъ и Кротость превознесъ:
На громъ твой — Сѣверъ весь отвѣщаетъ плескомъ,
И Зависль подъ твоимъ изнемогаетъ блескомъ.
Ревную я исчесль добротъ твоихъ соборъ,
Но скромности твоей прешитъ мнѣ строгій взоръ,

КЪ БЛИЖНЕМУ.

Словесныхъ сотворивъ премудрый Всесодѣтель,
Наславилъ вѣрою на всяку добродѣтель,
И каждаго изъ насъ, по мѣрѣ нашихъ силъ,
Дарами разными богато надѣлилъ,
Да тѣми пользуясь на пользу нашихъ братій,
За скупость вѣ разумѣ страшась Его проклятій,
Мы зиждемъ общее подобныхъ намъ добро.
И я, спыдаясь зарыть духовное сребро,
Мябъ данное вѣ удѣлъ Всещедрого судьбою,
Слѣшу, о ближній мой! дѣлится имъ съ тобою;
Лишь ты съ любовію послушай и внуши
Гласъ сердца моего, и гласъ моей души,
Гласъ дружный доблестямъ, враждебный для пороковъ.
Учишь я не дерзну, самъ пребуя уроковъ;
Но что наслѣдовалъ отъ мерзвыхъ мудрецовъ,
Отъ Юнга, перваго изъ нравственныхъ пѣвцовъ;
И что мнѣ знать дано вѣ моей смиренной долѣ,
Смирненно предложу твоей свободной волѣ;
Да не умчипъ меня тщеславія попокъ!
Хотя мы иногда, изъ спройныхъ, мѣрныхъ спрокъ,
Вѣ словахъ извивъ свой умъ, расставя звуки вѣ чинѣ,
Сѣшь частую плетемъ подобну паутинѣ,
Чтобъ муху изловипъ — жужжащую молву;
Но правду я теперь вѣ свидѣтельство зову,
Что мыслью сей боюсь унизить стихотворство.
А естли вѣ рѣчь мою и вкрадется притворство
По слабости моей; — то слабость обвиня,
Коль самъ ты совершенъ, брось камень на меня.

*Нощю сердцемъ моимъ размышляхъ, и испытоваше
духъ мой. Псал: 76. ст: 7.*

Вечернія зари блѣднѣетъ видъ прекрасный,
На башняхъ не блеститъ лучъ солнца златоясный,
Уныло въ сумракъ лице земли и водъ,
Звѣздами искрился небесный синій сводъ,
И Божія въ звѣздахъ освѣчиваетъ слава:
Ночь шествуетъ во мглѣ безмолвна, величава,
И міръ пріосѣнивъ покровомъ темноты,
Отъ взоровъ смертнаго отъземлетъ суеты;
Пороковъ прелести чернитъ какъ всѣ предметы,
И гонитъ отъ души тѣлесныхъ чувствъ навѣты,
И ей въ убѣжище, въ себя, велитъ войти,
Усталой отдохнуть отъ тяжкаго пуги,
По коему во дни, мечтами увлеченна,
Отъ блесковъ закружась и шумомъ оглушенна,
Носилась въ толпѣ, блуждала отъ ума,
И страждуща была не дѣйствуя сама;
Велитъ, да устранясь отъ внѣшнихъ искушеній,
Взыскуешь въ совѣсти высокихъ поученій,
И силы всѣ свои внутри себя собравъ,
Лжемудріе сразитъ, избывъ его отравъ, —
Почили смертные, и сонъ, соупщикъ ночи,
Тронувъ своимъ жезломъ запечатлѣлъ ихъ очи;
Умолкъ, утихъ, уснулъ молвы житейской шумъ,
Настала тишина и время спрогихъ думъ.

О духъ мой! посприими спасительныя мысли,
 Въ чемъ благо для тебя извѣсь, измѣрь, исчисли,
 Наслѣдуй, испытай въ безмолвіи ночномъ,
 Что зло и что добро на поприщѣ земномъ.

Еще единый деньъ какъ капля кануль въ вѣчность!

Еще ли тяжкая о времени безпечность

Мои обременитъ какъ ибкѣи смертный сонъ?

Что зыблется мой слухъ? — Часовъ я слышу звонъ!

Се время вопіетъ во уши чловѣка,

Чтобъ онъ, вспомянувъ земнаго краткость вѣка,

Всю важность времени умомъ своимъ постигъ;

Чтобъ ибдрамъ вѣчности ввѣрялъ свой каждый мигъ,

Какъ иивъ вбрится пшеницы сладкой сѣмя.

Лишась времени мы примѣчаемъ время,

И такъ разумна мысль дать времени языкъ,

Услышавъ гласъ его я бодростью возникъ;

Се знакъ отъ вышны, для мыслящихъ созданій,

Къ отбѣзду скорому изъ сей страны мечтаній,

Гдѣ умираетъ жизнь, гдѣ смерть одна живетъ,

Гдѣ ложь отъ смертнаго скрываетъ правды свѣтъ,

Гдѣ мгла безумія мрачитъ сердца и вѣжды.

Встревожились мои боязни и надежды,

Встаюшъ, и смотряшъ въ низъ, чрезъ узкій жизни брегъ,

На пропасть страшную гдѣ кончится мой бѣгъ,

Гдѣ я изглажуся отъ зрѣлища природы:

Летяшъ часы и дни и мѣсицы и годы,

Летяшъ, и жизнь мою, лишенну первыхъ силъ,

Срываютъ отъ меня порывомъ быстрыхъ крылъ;

И каждый шагъ закладъ не молвить мнѣ ни мало
 Гдѣ вѣчности моей скрывается начало,
 Когда мнѣ суждено возлечь на смертины одрѣ,
 Въ сей тмѣ безвѣстности не буду ли я бодрѣ?
 Умомъ ли возремаю забавленъ суетою?
 Забуду ли о томъ, что съ равной быстротою
 И жизнь бѣжитъ отъ насъ, и къ намъ стремится смерть?
 Что алчная сія, всю шварь грозя пожерть,
 И оставъ старости крушитъ рукой желѣзной,
 И рветъ отъ корня прочь цвѣтъ младости любезной;
 Что въ смертномъ жизнь и смерть спекаются на бой,
 Въ тѣлесной брѣнности воюютъ межъ собой,
 Чтобъ чаще житіе являясь исчезало?
 Рождене людей есть смерти ихъ начало;
 Младенцы въ первый разъ успѣютъ лишь дохнуть,
 Заразу смертности вбираютъ въ нѣжну грудь;
 Качаясь колыбель сближаетъ ихъ съ могилой,
 И малится ихъ жизнь съ распущею въ нихъ силой,
 Возженная свѣща, свѣпящая вокругъ,
 Бывъ пищею огню горитъ и гибнетъ вдругъ;
 Такъ мы хотя живемъ, но смерти горьку чашу
 Пьемъ не прѣстая чрезъ цѣлую жизнь нашу,
 Докогда смерть сама, не ждущая чреды,
 Равно ко всѣмъ живымъ горя огнемъ вражды,
 И насъ испепелитъ смѣясь на наши пѣни.
 Всѣ блески щаспія, всѣ здравія степени,
 Въ саны пышные и громкіе молвой,
 Вращаются въ ея скудели роковой,

И мнитсѣя, случаемъ износяшѣя на жершву.
 Или коль выборъ естѣ кому когда бытъ мершву,
 То спрашенъ онъ для насъ, срамитъ насъ какъ несъждъ,
 Сражастъ вопреки гаднѣи и надеждъ,
 И сердцу нашему дастъ внезапны раны.
 Честнолюбива смершь, какъ прочіе шираны,
 Надъ тѣмъ охошнѣе свершаетъ месъ и казнъ,
 Что бывъ низвержено низвергнетъ всѣхъ въ боязнъ.
 Являл власть свою отъ дѣйствіи прихотливыхъ,
 Велитъ переживать несчастному щасливыхъ,
 И нудитъ плачущихъ дряхлѣющихъ отцовъ
 Во гробы вогнѣздитъ любезныхъ ихъ пленцовъ,
 И слабымъ, немощнымъ велитъ копать могилы
 Для крѣпкихъ мышцами чадъ здравія и силы,
 И часто, да смиритъ гордыню предъ собой,
 Изъ стада лучшаго взявъ жершву на убой,
 Природы преступивъ священные предѣлы,
 Въ цвѣтущу, свѣтлу жизнь свои воззаетъ стрѣлы:
 Лишь только щастіе, играя и шутя,
 Изъ низкой хижины изъявъ свое дитя,
 Воскормитъ, воспонитъ обилия потокомъ,
 Взнесетъ — и утвердитъ на мѣсцѣ превысокомъ,
 Чтобъ кланяясь ему дивился цѣлый міръ,
 Какъ вдругъ приходитъ смершь — и гордый сей кумиръ,
 Сіяющъ славю, богатствомъ и красою,
 Внезапу пораженъ всерушащею косою
 Дребишся, вержется и сыплется во прахъ;
 Глубоко смершнымъ въ грудь впекастъ смерши страхъ,

И зыблетъ ихъ сердца ударъ ея ужасный.

Услышавъ опъ молвы что близокъ папъ опасный,
 Мы вяще дорожимъ сокровищемъ своимъ,
 Спрашимся обнищать и бодрствуемъ надъ нимъ;
 Равно воспоминавъ о смерти неизбѣжной,
 Мы бодростью ума недремлющей, прилѣжной,
 Къ богатству времени на стражу стать должны;
 Увѣрять, что ему нѣтъ равныя цѣны
 Ни въ тысячахъ сребра ниже въ талантахъ злата,
 Пещись, чтобъ каждая малѣйшая въ немъ прага,
 Прибыткомъ въ вѣчности была награждена,
 Гдѣ жизни длительность числомъ изочтена,
 Гдѣ каждый мигъ ея извѣшенъ будетъ точно,
 Не праздно ли протекъ, не прожитъ ли порочно? —
 Блаженъ, кто убѣдись въ сей истинѣ святой,
 Не губитъ времени ни зломъ, ни суетой,
 И дня не предастъ въ добычу ихъ разбою;
 Кто время съ вѣчностью сличаетъ межъ собою,
 И вѣсь ихъ познаетъ на мѣрилахъ ума.
 Разсѣется предъ нимъ земныхъ пристрастій тьма,
 Онъ вкуситъ на земли небесныхъ благъ начало,
 Скорбь жизни ушолитъ, у смерти вырветъ жало,
 Управится легко на трудный правый путь:
 Въ потокъ времени чтобъ мудрость почерпнуть,
 Онъ любитъ разсужданъ съ протекшими часами,
 И спрашиваетъ у нихъ съ теплѣйшими слезами,
 Какую принесли они на небо вѣсть,
 И какъ бы лучшую могли шуда принести;

Отвѣтъ ихъ дружественъ, но рѣдко безъ упрековъ,
 И опытность слыветъ въ языкъ чловѣковъ. —
 А мы несчастные бесѣдою такой
 Не щимся умудрѣть — но пщивою рукой,
 Бесплодно для себя раскидываемъ время,
 Блаженной вѣчности божественное сѣмя;
 Хоть разумъ намъ глаголетъ, что дорого оно,
 И намъ не распочать, употреблять дано,
 Но буйству нашему гласъ разума не внятень. —
 Для смертныхъ каждый мигъ единственъ, невозвратень,
 Едва минулъ, погибъ — и тысячи вѣковъ,
 Обтекши небеса по тысящамъ круговъ,
 Его не возвратятъ для пользы нашей новой,
 Когда мы задрожимъ предъ смертию суровой,
 Тогда за мигъ одинъ начнемъ давать весь свѣтъ;
 А нынѣ нерадимъ какъ будто смерти нѣтъ,
 Скучаемъ временемъ до скорби и досады,
 Способность вымышлять шерзаетъ безъ пощады,
 Чтобы лѣнивыя минуты гнать бичемъ.
 Иль сущность времени считаемъ мы ничѣмъ,
 И въ буйствѣ потому мнимъ умствовать неложно,
 Что время ни узрѣть ни осязать не можно?
 А время свой полетъ хранитъ неупомимъ,
 И зло ругается ругателямъ своимъ
 Развѣявъ крѣпость ихъ и призракъ наслажденій;
 Но вотъ главнѣйшее изъ многихъ заблужденій,
 Которымъ всякъ изъ насъ подверженъ на земли,
 Что смертный смерть свою едва ли зря вдали,

Живешь и въ старости какъ въ возрастѣ цвѣтущемъ,
 Готовясь пожить во времени грядущемъ;
 И то изъ времени что взялъ уже во власть
 Охотно отдаетъ безумію на часть,
 А что въ рукахъ судьбы сокрытой и безвѣстной,
 Готовитъ мудрости какъ дань любви нелестной,
 Но медлитъ заплапипть сію священну дань,
 И въ мысляхъ сусупъ устроивъ страшну брань,
 Дѣлами рабствуетъ сей общества царицѣ,
 Какъ ябнникъ при ея влачится колесницѣ,
 Не смѣя разорвать своихъ поспыдныхъ узъ.
 Ему текущихъ дней пропивенъ горькій вкусъ,
 И дни прошедшіе онъ страшными зривъ снами;
 Прошедшіе! . . увъ! они повсюду съ нами,
 И совѣсти гремитъ безмолвный оныхъ гласъ;
 Тѣнь дня умершаго блуждаетъ окрестъ насъ,
 Или какъ демонъ люпъ, ужасны мещетъ взоры,
 И съ ними внутрь сердець мучительны укоры,
 Или, какъ Ангелъ благъ, зривъ радостнымъ лицемъ,
 Вбичаетъ праволу веселія вбнцемъ. —
 А мы, доспойные упрековъ и стыдбній,
 Что скажемъ бѣдные средь грозныхъ привидбній,
 Отъ коихъ стынетъ кровь, вздымаются власы?
 О да придутъ къ намъ нчѣрашніе часы!
 Чтобъ смыть ихъ черношу раскаяніемъ слезнымъ,
 И блескомъ добрыхъ дѣлъ, для Вышняго любезнымъ,
 Для совѣсти драгимъ, на кбни ихъ облечь!
 Се небо щедрое внимаетъ нашу рѣчь,

И каждый мертвый день живитъ неоднократно:
 Сегодня есть вчера пришедшее обратно,
 И свыше оному мощь полная дана
 Всѣ наши прежнія исправить времена,
 Надъ буря превознесеть и оградить насъ миромъ,
 И въить къ намъ въ сердца спокойствія эфиромъ.
 Воспрянемъ же отъ сна, себя препобѣдимъ,
 Сегодня не коснитъ, пройдетъ оно какъ дымъ,
 И насъ, слабѣющихъ отъ словъ и мыслей праздныхъ
 Лишь влице очернитъ, и прежде безобразныхъ,
 И корень изсушитъ врожденныхъ намъ добротъ.
 Но мы, имѣя умъ полнъ заврешнихъ заботъ,
 Теряемъ какъ ничто дни днешніе златыя;
 А жизнь межъ шѣмъ бѣжитъ какъ токъ съ горы крутыя,
 И гонится быстрѣй дыханіемъ спрѣстей.
 Пусть блещетъ блесками породы и чести,
 Пусть славою шумитъ, пусть пѣнится богатствомъ,
 Но можетъ ли она мгновеннымъ ихъ пріятствомъ,
 Привлечь и обольстить словесныхъ спрогій умъ,
 И память вѣчности изгнать изъ нашихъ думъ,
 И душу низвести въ ровъ пагубы ужасный?
 Займемъ отъ мудрости ея свѣпильникъ ясный,
 И къ свѣплымъ призракамъ приблизимся мы съ нимъ.
 Но смертныхъ житіе чему мы приравнимъ?
 Какъ волны безъ числа, изъ дальнія пучины,
 Воспѣнась, возшумѣвъ, вздымая ихъ вершины,
 Неистовы текутъ удариться о брегъ,
 Гдѣ гордость ихъ минетъ, прервется шумный бѣгъ,

Буршины ихъ спадутъ отъ облачнаго свода,
 Не станетъ ихъ самихъ. — Такъ волны смертныхъ рода
 Шумя, и возносясь и зыбля земный кругъ,
 Одни другихъ жоня, текутъ, текутъ, — и вдругъ
 Обрушатся, падутъ — и слѣда ихъ не стало.
 Вотъ жизни временной неживое зеркало,
 И въ немъ мы зримся всѣ подъ жребіемъ однимъ.
 Но смертныхъ житіе чему мы приравнимъ?
 На быстрой той рѣкѣ, какою льются вѣки,
 Жизнь наша кораблицъ — и въ ономъ челобѣки
 Безпечно возсѣдя плывутъ по быстринѣ,
 Въ забавахъ роскоши забывшись какъ во снѣ
 Не видятъ какъ бѣжитъ и ускользаетъ влага.
 Вдругъ чувствуютъ ударъ — прелещетъ ихъ отвага,
 Вздрогнувъ они всипаютъ — и что же зрящъ межъ волнъ?
 О камень смертности разбитъ ихъ бранный чолнъ,
 И сами, влаемы стихіею мятежной,
 Несутся въ океанъ бездонной и безбрежной.
 Но смертныхъ житіе чему мы приравнимъ?
 Подобны смертные растѣніямъ земнымъ:
 Какъ утренни цвѣты, въ убранствѣ ихъ богатомъ,
 Пестрѣютъ на лугахъ и дышутъ ароматомъ,
 И моетъ каплями небесныхъ росы
 Природу веселятъ лицемъ своей красы;
 Но солнце востекло — и зной его полдневный,
 Сжьющійся ихъ видъ преобразилъ въ плачевный,
 Увянули они, склонились до земли,
 Посохли до корней, валяючися въ пыли,

И вскорѣ дунувъ въ ширь развѣстъ ихъ остатки.
 Подобно наши дни обманчивы и крапки,
 Блеснутъ и скроются какъ молнія средъ тучъ.
 Лишь только человекъ обрящетъ къ жизни ключъ,
 И счастье опытомъ соединитъ съ собою;
 Увы! сей малый ключъ, проливною судьбою,
 Отворитъ для него ужасну смерти дверь.

И такъ что пользы въ томъ, о смертный! что теперь
 Ты можешь пріобрѣсть, цѣною силъ и рвеній,
 Стяжанія для чувствъ на нѣскольکو мгновеній,
 И вдругъ совлечшись ихъ опыдешь въ землю нагъ?
 Иль счастье ты зришь во блескѣ дольнихъ благъ?
 Проникни разумомъ блестящую ихъ внѣшность,
 И сущность разсмотрѣвъ оплачь свою погрѣшность:
 За счастьемъ не гонись коль хочешь быть счастливымъ,
 Но въ грудь смиренную умѣренность вселивъ,
 Смори — и удивись — колько тѣ несчастны,
 У коихъ счастьемъ сердца и души спростны,
 И коимъ льститъ оно улыбкою своей:
 Подобно алчнымъ псамъ, сорвавшимся съ цѣпей,
 Поклонники его, продержки и лукавы,
 На запахъ сладостный богатствъ, чести и славы,
 Пускаются, бѣгутъ изъ низости и мглы,
 И лаютъ ихъ божку прегромкія хвалы,
 И пристально къ нему вперяя взоръ умильной,
 По разнымъ маніямъ руки его обильной
 Кидаются стремглавъ на разныя мѣста;
 Широко разтворивъ несмытые уста,

Съ безумной алчностью глотаюиъ кусъ за кусомъ,
 Опшодъ не изжевавъ, не насладившись вкусомъ,
 И иресыщенныя, но жадныя еще,
 Напрасно селятся, туждаются вопще
 Гладъ новый уполитъ хватая добычь нову.
 О ближній! предвари судьбину шоль сурову.

Но что тебя манишь? — богатства ли мечта?
 Се бѣдность пышная! блестяща ^и нищета!
 Богатство межъ людей, порочности содѣтель,
 Тамъ болѣе блеститъ гдѣ меркнетъ добродѣтель,
 Какъ искры звѣздныя сверкаютъ лишь въ ночи,
 Когда свѣтло дня шашъ свои лучи.
 Богатство сѣтъ и ровъ душевному изрядству;
 Богатство лѣспвица къ множайшему богатству,
 А вище богатѣтъ откажется ли кто?
 Такъ льститъ оно алчбѣ, и смертнаго чрезъ то
 Гона отъ пишины помитъ среди смущеній,
 Размножа множество трудовъ и попеченій
 Связуетъ тяжкія, несносны бремена,
 Влагаетъ чтителямъ своимъ на рамена,
 Подъ коими сіи кичливѣйшіе Крезы
 Вдыхаютъ отъ души и льютъ отъ сердца слезы.
 Богатство чувспенность поитъ виномъ забавъ,
 Чтобъ разумъ воздремалъ — и бодрствовать преставъ
 Позоритъ не мѣшалъ словесныхъ напыщенныхъ
 Златиштыхъ роскошью и златомъ омраченныхъ,
 И въ дѣтствѣ ихъ держатъ сѣдбующихъ въ пирахъ,
 Доколь обветшавъ разсыплются во прахъ.

Богатый угнетенъ двойною пягопою ;
 Навѣчно осужденъ быть зависти мешою,
 Хотя бы не сілѣ ни славой ни умомъ;
 Былъ жертвой скудости въ обилии самомъ.
 О скудность ѣдкая! болѣзнь души несытой!
 Ни руды Индіи поль златомъ плодовишой
 Ее не исцѣлятъ сокровищъ врачевствомъ.
 О ближній! насладись побѣды торжествомъ,
 Презрѣвъ земныхъ богатствъ приманчиву пріятность

Но что тебя манитъ? или боярства знатность?
 Самъ знатности своей будь доблестью творецъ;
 Боярство безъ заслугъ не нищій ли гордецъ?
 Кичится предками и славой ихъ дѣяній,
 И проситъ, ради ихъ, опъ черни подалий,
 Хваленій требуетъ, хощь ложныхъ, для себя;
 Но чернь упряма лишь истинну любя,
 Не любитъ воздавать незаслуженной чести,
 Ниже склоняется на милоспыню лести,
 Къ просящимъ оныя безжалостно скупа;
 И такъ въ свою чреду народная толпа,
 Презрѣнная опъ нихъ какъ гадъ въ грязи живущій,
 Держитъ презрѣть ихъ родъ превыспреннимъ слывущій,
 Ругается мнимыми кумирами людей.

Но что тебя манитъ? не призракъ ли чести?
 Или ты возгорѣлъ палящей жаждой власти?
 Природа намъ прешитъ сіи безумны страсти,
 Указывая намъ, чтобъ въ разумъ мы вошли,
 Начало и конецъ словесныхъ на земли,

Когда излишества и пышности намъ чужды.
 О кою умбрены, коль малы наши нужды!
 Въ началъ колыбель, могила при концѣ,
 Хоть мужу хищнику въ порфирѣ и въ вѣнцѣ,
 Межъ двухъ предѣловъ сихъ, сходящихся полъ близко,
 Миръ цѣлый зрѣлся малъ и небо мнилось низко.
 Ты мыслію несись, услышавъ славы громъ,
 Къ развязкѣ всей игры на зрѣлищѣ земномъ.
 Когда рукой судьбы опустился завѣса;
 Тамъ ложь надъ истинной лишится перевѣса,
 И мужи чинимые и плескомъ и хвалою,
 Убранства пышныя сложивъ съ себя долой,
 Съ позорища сойдутъ сказавъ свои уроки,
 Порокомъ низменны, иль доблестью высоки,
 Земль и небесамъ предстанутъ безъ личинъ,
 Судиться въ дѣйствіяхъ по цѣли ихъ причинъ;
 И сильные земли отъ подвиговъ ихъ чудныхъ
 Наслѣдитъ могутъ срамъ въ попомкахъ правосудныхъ.
 Опшолъ, сочешавъ жалбіе и смѣхъ,
 Озрись на странности сихъ буйственныхъ потѣхъ,
 Гдѣ чшутся и слывутъ чудовища богами,
 Гдѣ высясь къ облакамъ поддѣльными ногами,
 Великостью своей гордятся малыши,
 Шагаютъ далеко — и малость ихъ души
 Являютъ казню народовъ неповинныхъ,
 Потопленныхъ въ крови въ пространствѣ царствъ пусты-
ныхъ.

Но что? еще ли миръ плещетъ тебя въ свои пабы?
 Объяями льстеца не буди ослѣвленъ.
 Корабль среди валовъ — видѣнне прекрасно!
 Пряпно зрѣть его, но плыть на немъ опасно;
 Таковъ для насъ сей миръ въ веселяхъ своихъ.
 Не презрѣмъ посѣтитъ — мечпаніемъ о нихъ,
 Тѣ сонмы суетны, въ которыхъ смертныхъ племя
 Безвременно крушитъ, подпору жизни, время,
 Готова съ гордостью, служеніемъ искусствъ,
 И пищу для страстей и пиршество для чувствъ;
 Отважнѣе воити, чтобъ видѣть славу міра,
 Подъ кровъ веселія, въ домъ роскоши и пира,
 Куда словесныя, премногіе числомъ,
 Для радости текутъ съ возбланнымъ умомъ:
 Какая хитрость средствъ! прудовъ разнообразность!
 Чтобы развеселилъ скучающую праздность!
 Какой блистательный утѣхъ и игръ сборъ
 Ревнуетъ соблазнить и вкусъ и слухъ и взоръ!
 Но здѣсь ли радости? — здѣсь дышутъ суетою;
 Здѣсь искренность слыветъ безумной простотою;
 Здѣсь всякъ тебя обнявъ какъ друга своего,
 Засыплетъ звуками, не скажетъ ничего.
 Здѣсь часто вѣжливостъ есть хитрая обида,
 И здѣсь стыдливости стыдятся даже вида,
 Здѣсь Подозрѣнне о тысящѣ очей,
 Во взглядъ искреннемъ, въ невинности рѣчей,
 Провидитъ умыслы на жизнь свою и славу;
 Здѣсь Зависть, припворивъ ко правдѣ ревность праву,

Подъ сладкимъ языкомъ скрываетъ горькій ядъ,
 И жалитъ клеветой достойное наградъ;
 Здѣсь Лестъ вишійствууетъ предъ гордыми главами,
 И гладитъ оныя премягкими словами,
 И знаетъ буйству ихъ вѣнцы похвальны сплестъ;
 Здѣсь смертнымъ смертные даютъ, какъ жертву, честь,
 И вспомнить не хотятъ подъ чьимъ всестрашнымъ окомъ
 Другу другу кланясь въ почтеніи глубокомъ,
 Приносятъ еиміамъ — персть персти, грѣхъ грѣху;
 Здѣсь дружбы именемъ прикрывъ навѣтъ врагу,
 Привѣтствуютъ уста хощъ сердце пышетъ гнѣвомъ;
 Здѣсь Жадность наглая, неистовая чревомъ,
 Съ улыбкою возрѣвъ, очами многихъ лицъ,
 На трупы жертвъ ся, звѣрей и рыбъ и птицъ,
 Кидается на нихъ стремительно и смѣло,
 Пирами тучными улишиваетъ тѣло,
 За коими душа несносный терпитъ гладъ,
 Въ которыхъ каждый звѣрь и каждый можетъ гадъ
 Увидѣть близкое словесныхъ съ ними сходство,
 И оныхъ надъ собой оспорить превосходство,
 И разумомъ людскимъ ругаться какъ мечтой;
 Здѣсь нравы разные и странны пестротой,
 Сшибаясь межъ собой раждаютъ споры шумны
 И свары и вражды- — Здѣсь старцы младоумны,
 Развалины людей дрожащи близъ могилъ,
 Какъ тѣни блѣдныя, собравъ остатокъ силъ,
 Влачатся къ роскоши, прелестницъ развратной,
 И лѣстятъ своимъ сердцамъ надеждою пріятной,

Чшо шумомъ празднества и звукомъ трубъ и струнъ
 Гласъ смерти залушатъ, гремящій какъ перунъ,
 Зовущій ихъ на судъ со свиткомъ жизни цѣлой,
 Здѣсь дерзкіи юноши, имѣя умъ незрѣлой,
 И чувствуя въ груди кипѣніе страстей,
 Бѣгутъ на ловъ утѣхъ, и вязнутъ средь сѣтей,
 Слепленныхъ хитростью, разставленныхъ порокомъ;
 Веселій чувственныхъ упившіяся потокомъ,
 Бунтуютъ буйные прошивъ небесъ благихъ,
 Мечтаютъ, что сей міръ не умретъ въ вѣкъ для нихъ,
 Что будетъ юность ихъ цвѣсти не увядая.
 Но къ гибели манитъ мечта сія пустая.

Когда отъ разума развратъ затворитъ дверь,
 И умный человекъ явится буйный звѣрь,
 Пируетъ съ нимъ и смерть въ подрывъ его составу,
 И въ сладости приправъ лѣтъ свою оправу,
 И чашу немощей виномъ спѣшитъ вѣнчать,
 На лица блѣдныя кладетъ свою печать,
 Смѣется про себя смѣющимся надъ нею,
 Чшо здравіемъ своимъ, сей хрупкою броней,
 Мечтаютъ прищипитъ, сломитъ ея стрѣлу;
 Когда веселіе во всемъ своемъ пылу,
 Всѣ страхи прогнаны въ пустыню тьмы ночныя,
 И мысль гордящаясь всѣ радости земныя
 Сзываетъ вокругъ себя и щастью ставитъ тронъ,
 И жизнью хвалятся и смерть толкаетъ вонъ,
 Сія, личину снявъ, свои являетъ грозы,
 Мрачитъ во взорахъ блескъ, съ ланитъ срываетъ розы,

Кончасть смѣхъ и плескъ минутой роковой,
 И слышатъ съ торжесивомъ надгробныя плачъ и вой.
 Какъ тапи ноцію дерзають безъ препятства
 Могилы разрывать для скрытаго богатства:
 Такъ гробы праотцевъ мы роємъ для забавъ,
 И спящихъ вышней изъ персти ихъ воззавъ,
 Велимъ ихъ древности, одѣянной въ доспѣхи,
 По зрѣлищу шагать для нашея потѣхи,
 А сами возсѣдимъ какъ нѣки божества,
 Въ безсмертность облачась какъ въ ризу торжества,
 Льемъ слезы жалости о существахъ несчастныхъ,
 Сужденныхъ умереть и смерти злой подвластныхъ,
 Болѣзнуемъ о томъ, что жребій ихъ жестокъ,
 Забывъ свой собственнѣй равно жестокій рокъ.
 Но что? — едва отъ слезъ оперлись взоры ясны,
 Раздался дланей плескъ и клики велегласны,
 И смѣхи громкіе, знакъ празднаго ума,
 И Нѣглость вскрылася межъ чадъ своихъ сама.
 Молчаніемъ пройдемъ, стыдяся словъ нескромныхъ,
 Писаній срамоту и лѣсней спрасно-томныхъ,
 Отъ коихъ Чистота, какъ утро покраснѣвъ,
 Бѣжитъ — и праведный питаетъ въ сердцѣ гнѣвъ;
 Здѣсь часто самыя преступнѣйшія чувства,
 Цвѣтами испестрясь словеснаго искусства,
 Ужасную свою скрываютъ черноту,
 Неопытныхъ умовъ прельщаютъ простоту,
 Во груди юныя вливаютъ ядъ соблазна,
 И нравственность людей творится безобразна;

Здѣсь страсти буйныя, возвысивъ громкій гласъ,
 Неисповестномъ своимъ въ восторгъ приводятъ насъ:
 Мы съ плесками похвалъ пріемля ихъ уроки,
 Склоняемси жалѣть, обезвинить пороки,
 И доблести во зло любить бесѣды злы;
 Безъ гнѣва слушаи ихъ дерзкія хулы
 На строгость разума, узду для наслажденій,
 Мы учимся включатьъ въ число предубѣжденій
 Внушенія сего наставника людсй,
 И сердцемъ устремясь во слѣдъ слѣпыхъ вождей,
 Внимаемъ однимъ спрашамъ — и лживымъ ихъ языкомъ
 Разсудокъ препираемъ въ сужденіи великомъ
 О пользѣ и вредѣ, о благѣ и о злѣ.
 Но солнце свѣтитъ и скрытое во мглѣ;
 Не меркнетъ истина врожденная словеснымъ,
 Хотя бы предъ ея сіяніемъ небеснымъ
 Лжемудрія туманъ на время огустѣлъ.
 Послѣдній жизни часъ есть истины удѣлъ:
 Спяченна суетой, порокомъ подавленна,
 Хотя безмолвствуетъ какъ будто усыпленна;
 Но лишь на смертнаго помчится съ неба громъ,
 Чтوبъ въ землю низложитъ его тѣлесный домъ,
 Изыдетъ и она сурова и свирѣпа,
 Изъ мрачнаго ся и тайнаго вертепа,
 Изъ глубины души, гдѣ крылася опѣ зла,
 Изыдетъ въ молніяхъ, въ перунахъ безъ числа,
 Нещадно обличитъ, наложитъ казнь несносну:
 Не нужны демоны въ сію минуту грозну,

Перуны испиши — мучительны какъ адъ.
 Такъ разумъ обзрѣлъ соборъ мірскихъ отпадъ;
 Познавъ чшо сихъ цвѣтовъ, приманчивыхъ для взгляда,
 И залахъ ядогитъ, и стебли полны яда,
 Онъ чувствуетъ смершнаго спѣшитъ отъ нихъ отвлечь.
 Но чшо еще сказаиъ, и какъ составилъ рѣчь,
 О тернахъ зрющихъ во множествѣ великомъ
 На полѣ жизни сей сухомъ, пустынномъ, дикомъ?
 О бѣдствіяхъ и злахъ, которыми человекъ
 Бываетъ жертвою нсрѣдко цѣлый вѣкъ?
 Не станемъ изчислять, какъ гнѣвная природа,
 Облекшись силою во ужасъ смертныхъ рода,
 Преступника сего караетъ безъ пощады:
 Какъ въ мѣсть продерзости ся словесныхъ чадъ,
 То солнцу повелитъ сожечь луга и нивы,
 То шучи разрѣшитъ — и горнихъ водъ разливы
 Растѣній жизненныхъ размоютъ сѣмена,
 И градъ начнетъ перзать земныя племена;
 То землю опягчитъ, для казни земнородныхъ,
 Песками яонными, хребтами скіаль неплодныхъ,
 Сислами мерпными гдѣ дышутъ лишь зми,
 Гдѣ жажда не найдетъ прохлады ни струи.
 То вдругъ восколебавъ всея земли громаду.
 Во пропастьхъ ся пути откроетъ къ аду
 Для веси и градовъ и даже цѣлыхъ странъ:
 То въ брань пропивъ людей подвигнетъ Океанъ
 Со всеми тыслцми живущихъ въ немъ чудовищъ;
 И вѣтры излетѣвъ изъ тайныхъ ихъ сокровищъ

Попопятъ въ глубинѣ судовъ плывущій лѣсъ;
 То губитъ пламенемъ изъ безднѣ и отъ небесъ
 Несчастныхъ, коихъ рокъ укажетъ гибельнымъ взоромъ;
 То дхнешъ по воздуху болѣзнями и моромъ,
 И смертныхъ тысячи, пуская вопль и стонъ,
 Въ разверзтый смерти зѣвъ падутъ со всѣхъ сторонъ.

Но жизни бѣдственность не вся въ бѣдахъ толковыхъ;
 Отъ сихъ перейдемъ къ другимъ, отъ малыхъ до великихъ,
 Отъ золь естественныхъ дающихъ смерти пиръ,
 На горше воззримъ, на нравственный нашъ мѣръ,
 И все почувствуемъ наземной жизни горе.
 Въ насъ сердце отъ страстей волнуется какъ море,
 Не можетъ опочить на лонѣ тишины,
 Но мщется всегда въ провинныя страны,
 Въ различны слабости, въ различные пороки,
 И спонетъ чувствуя удары ихъ жестоки;
 Но буйныя челоуѣкъ, стѣснивъ спенящу грудь,
 Пороковъ, слабостей не бѣгаетъ отнюдь,
 День губитъ въ ихъ шуму, проводитъ ночь не пише.
 И сей священный мракъ, который посланъ свыше
 Быть стражею души ея объемля домъ,
 Онъ, небу вопреки, творитъ своимъ щипомъ
 Чтobъ скрыть и утаить отъ зрѣнія природы,
 И съ вящей дерзостью отъ вящя свободы
 Скончатъ и совершитъ, чинимое имъ зло:
 Въ ночи, подъявъ къ звѣздамъ надменное чело,
 Пороки иаглые и буйственны и рьяны,
 Шагаютъ въ шемношѣ какъ грозны великаны,

И ночь темнѣйшею шворають дѣлами пѣмы;
 Въ часѣ ноши, воспрянувъ отъ краткія дремы,
 Умысливъ и Гашьба, скрежещущи отъ злобы,
 Изъ лога своего, изъ нѣдръ земной утробы
 Руками сѣднися, исходятъ для добычъ;
 Въ ночи слѣшитъ скупецъ мѣты своей достичъ,
 Сокровища свои, и сердце вмѣстѣ съ ними,
 Зрыть и погребсти подъ глыбами земными,
 Сдѣлать, несчастнѣйшій, разсудокъ погубя,
 Чтотъ съ ближнимъ не дѣлать, ограбитъ самъ себя;
 Гордится щасіемъ — богатствъ его тщетою,
 А хищники спретутъ — и пустятъ съ нищетою
 Щастливца гордаго бродить съ двора на дворъ;
 Въ ночи, Предательства вступающъ въ заговоръ,
 Умысливъ пагубу сзываютъ всѣ коварства,
 Чтотъ вдругъ опустошить и низпровергнуть царства,
 Народы потопить въ слезахъ ихъ и въ крови;
 Въ ночи, пыша огнемъ нечистыя любви,
 И въ сладострастїи валяся какъ въ шинѣ,
 Распутство шумное ругается святымъ,
 Претящимъ казню смѣется небесамъ,
 Въ ночи но премолчимъ словесныхъ вящшій срамъ.
 Толь горекъ плодъ земли, и мы ли къ ней пристрастны?
 Дни жизни для души бурливы и ненастны,
 И ведреный изъ нихъ мрачится часто мглой.
 Какъ съ бѣдныхъ должниковъ займодавецъ злой
 Чѣмъ долѣе терпѣль, тѣмъ взыскиваетъ болѣ:
 Такъ смертнымъ попустивъ на время жишь по волѣ,

Злощастие скорбями пощипается ихъ поспичь;
 Изъ прошлыхъ радостей сплететь жестокий бичъ,
 Чпобъ больше разтравить болѣзнь ихъ ранъ душевныхъ.

Но пусть бы кто избывъ отъ случаевъ плачевныхъ,
 Отъ бѣдливый бѣдственной природы своей,
 По самый поздній часъ земнаго бытія
 Всѣ замыслы свои свершалъ благоуспѣшно.

Сей самый поздній часъ какъ близится поспѣшно!
 Какъ крапокъ и какъ малъ должайшій жизни срокъ!

Съ какою быстротой мелькаетъ топъ челнокъ,
 Который для меня падающаго въ гробницу

Труждается искать покровъ и плащаницу!

И можетъ быть чрезъ мигъ мелькнетъ въ послѣдній разъ

При страшнѣйшей мысли сей вступаешь въ жилы мразъ,

Пріятствъ и благъ земныхъ въ горшани горькнетъ сладость,

Бѣгутъ отъ нашихъ чувствъ веселіе и радость,

Унылость и печаль оставивъ позади;

Бунтуетъ смертный страхъ у смертнаго въ груди,

И разумъ слабая противъ его защита.

Страхъ смертный какъ спрѣла зубчата, ядовита,

Вонзился, врѣзался въ сердечну глубину,

Мученіемъ прогналъ отъ сердца тишину,

И мѣсна не даетъ душевному покою;

И кто, который врачъ, искусною рукою

Отъ острія сего возможетъ насъ спасти?

И такъ возможно ли въ житейскомъ зломъ пути

Польститься смертному блаженствомъ совершеннымъ,

Безъ коего не лзя назвать себя блаженнымъ?

Но разумъ разсмотрѣвъ земныя существа,
 Которыхъ сотворивъ премудрость Божества
 Судила не почитать божественнымъ симъ свойствомъ,
 Зрѣть всѣхъ ущедренныхъ довольствомъ и спокойствомъ,
 Зрѣть въ нихъ Всеблагосни напечатлѣнный слѣдъ.
 Словесные¹ и мы не созданы для бѣдъ;
 Отъ хульныхъ на Творца воздержимся упрековъ;
 Не въ благахъ чувственныхъ блаженство человекѣвъ,
 Въ невидимыхъ вещахъ вселяется оно,
 И вѣрѣ для людей отъ неба вручено,
 Для тѣхъ копорые, на зовъ ея усердной,
 Презрѣвъ и поругавъ утѣхи жизни смертной,
 Мужаясь враждовать соблазнамъ и спраснямъ,
 Усердно къ ней текутъ по тернистымъ путямъ;
 Къ ней сердце прилѣпивъ — да любить неизмѣнно,
 Ей разумъ покоривъ — да мудрствуешь смиренно,
 Ей волю собственну въ служеніе предавъ,
 Ея вѣщанія, какъ Вышняго уславъ,
 Приемлютъ не сумнясь и квалитъ ихъ дѣлами.
 Она имъ возвѣститъ — да борятся со злами,
 Что цѣль имъ даннаго отъ Бога бытія
 Не есть привременность земнаго житія,
 Имущаго прейти подобно сну и тѣни;
 Что годы времени суть къ вѣчности степеня,
 По коимъ мы бѣжимъ неволею спѣша;
 Что жизни временной жизнь вѣчная душа,
 И первыя конецъ послѣдній начало;
 Что всеу ихъ сердца то благо обольщало,

Которое за гробъ не можешь быть взято.
 Предъ радостью души чувствъ радости ничто;
 Снѣ питаются однимъ лишь наспоющимъ,
 Душа же напрошивъ, спресьмась къ опрадамъ вящимъ,
 Въ прошедшемъ, въ будущемъ, чрезъ умственные пруды,
 Сбираетъ для себя сладчайшіе плоды,
 Питаетъ и возвращаетъ врожденные ей доброты.
 Лишь ей одной дано отъ Творческой щедроты
 Все время пробъжати озрѣвшись назадъ,
 Или, впередъ себя пуская острый взглядъ,
 Послѣдствіе временъ обозрѣвать разумно.
 Когда же мы свой умъ землей стѣснимъ безумно,
 Отъ выпренихъ надеждъ не медлитъ онъ отпасть,
 Угаснетъ къ вѣчности божественная страсть,
 Душа въ темницѣ чувствъ со срамомъ заточенна,
 И съ небомъ всякаго общенія лишена,
 Упратитъ горный свѣтъ и будетъ мракъ и тьма;
 Въ дебелимъ веществъ одебелѣвъ сама,
 Грядущею своею пренебрежетъ судьбою,
 Преклонится къ землѣ — и тѣлу спавъ рабою,
 Постыднѣйшій яремъ возложитъ на себя.
 И пошъ восплачется, кто міръ сей возлюбя,
 Въ немъ чаялъ приобрѣсть достойну ей замѣну.
 О ближній! знаешь ли души безсмертной цѣну?
 Взнесися мыслію поверхъ земныхъ суетъ,
 И къ звѣзднымъ небесамъ направи свой полетъ;
 Тогда твоя душа, увядшая доселѣ,
 Въ семъ грубомъ воздухѣ и въ семъ грубѣйшемъ тѣлѣ,

Избавится отъ всѣхъ земныхъ ея оковъ ;
 Тамъ снова процвѣшетъ межъ выспренныхъ круговъ ;
 Въ изрядствахъ сложная, но въ сущности простая ,
 Свободою дыша, ширясь, возрастая ,
 Не въ видѣ странницы обыдетъ небеса ;
 Но чудная сама, летя сквозь чудеса ,
 Глубокимъ разумомъ приникнетъ въ ихъ устройства ,
 Раскроетъ въ небесахъ свои небесны свойства ,
 Изначество свое увидитъ въ полномъ ,
 И ей вся звѣздная твердь уступитъ въ красотѣ .
 Блещетъ сѣ величїе полнощи ,
 Сей дивный образецъ Зидишелевой мощи !
 Эмира Океанъ, и нѣтъ ему береговъ !
 Въ немъ солнца плаваютъ ! миры поверхъ мировъ !
 Но всѣ ихъ тысячи умножи мирядой ;
 И душу взвѣсь одну со всею ихъ громадой ,
 Въ душѣ окажется надъ всѣми перевѣсь .
 При свѣдѣнствѣ души ихъ блескъ померкъ, исчезъ ;
 Чертами Божества они не украшенны ,
 И чувства бытія и разума лишены ,
 Не могутъ постигать кто славой ихъ возжегъ ;
 Кто имъ предначерталъ кружащійся ихъ бѣгъ ;
 И Чьею силою свершаютъ оный вѣрно ?
 Твореніе сѣ едва ли не безмѣрно ,
 Дивитъ насъ и страшитъ своей величиной ;
 Но томъ не больше ли, кто мыслию одной
 Объемлетъ оное, Творца не исключая ?
 Такъ всю достоинствомъ природу превышая ,

Должна душа парить къ надзвѣздной высотѣ,
 Къ единственной ея безсмертія метѣ,
 Къ предѣламъ выспреннимъ духовныя вселенной,
 Страшась, пристрастіемъ къ землѣ и плоти плѣнной,
 Высокое свос унизить естество,
 И съ небомъ, съ Божествомъ прервать ея сродство
 Жить вѣрою должна — и подвигъ испытаній
 Тяжелый облегчать покорствомъ безъ роптаній,
 Отъ вѣры ожидать терпѣнію вѣнца.

О ты, Святая дщерь Святѣйшаго Отца!
 О Вѣра правая, которой все возможно,
 Твореніемъ чудесъ ты славишься неложно,
 Міръ цѣлый Твоему свидѣтель торжеству;
 Ты человѣчество возносишь къ Божеству,
 Вселяешь въ брвенну персть небесныя изрядства,
 Ты смертныхъ межъ собой связуешь духомъ братства,
 (Безъ вѣры человекъ Творцу и тварямъ врагъ)
 Ты имъ оплотъ отъ золь, сокровищница благъ,
 Двухъ жизней, двухъ блаженствъ красугольный камень,
 Ты въ сердцѣ ихъ гасишь страстей горящихъ пламень,
 Отъ смысла вѣешь прочь губительный ихъ дымъ,
 Премудрость вышнюю даришь умамъ простымъ,
 Премудростью творишь языкъ младенцевъ яснымъ,
 Рѣшишь уста немыхъ и гласъ даешь безгласнымъ.
 О Вѣра! приди — и свѣтлостью твоей
 Проникнувъ просвѣти тьму смертности моей,
 И мраки разгони и думъ и чувствъ печальныхъ;
 Наставница моя отъ дней моихъ начальныхъ,

И днесь на истину наспѣвъ меня сама.

Я зрю твоє лице видѣніемъ ума,

И свѣтъ твоихъ очей преобразаетъ землю;

Я слухомъ внутреннимъ твои глаголы внемлю,

И повиѣвъ мыслей сонмъ въ душѣ моей возглаголю;

Но какъ ихъ возвѣститъ мнѣ медленный языкъ?

Свирѣлая зима со льдами и снѣгами,

И дождь изъ облаковъ ліющійся рѣками,

И громъ, ударами прасущій небеса,

И вихрь, порывами ломающій лѣса,

Обилуютъ добромъ для здравія природы!

Цѣлебны для души напастей разны роды,

Полезно ей терпѣть всю зблѣносць сихъ огней,

Чтобъ ржа грѣховная исплѣла вся на ней,

Чтобъ злопо свойствъ ея свѣтлосць не померцало;

Чтобъ чистая душа, какъ ясное зеркало,

Могла въ себя пріять лучъ свѣтлый Божества;

И оный отражаетъ сквозь мраки воще'тва.

Для доблестныхъ сердець напасть бываетъ славой:

Какъ храбрость воина въ пылу битвы кровавой,

Искусство кормчаго въ день бури на водахъ,

Такъ доблесть истинная является въ бѣдахъ.

Какъ ночь способствуетъ, своею темнотою,

Скрывавшимся звѣздамъ блеснуть ихъ красою;

Такъ мужу мудрому злосчастія навѣтъ

Великостъ придаетъ какъ чудный нѣкій свѣтъ,

Который просвѣтитъ всю жизнь его до края.

Въ пучину горести за перлами ныряя,

Разумный человекъ, богатствомъ чувствъ и думъ,
 Навѣкъ оцѣнитъ и грудь свою и умъ.

И такъ, блаженъ, кого въ училищѣ печали,
 Неложной мудрости напаси обучали.

Онъ въ щастии смиренъ; онъ въ бѣдствахъ бодръ и твердъ;

Онъ знаетъ сострадать и къ слабымъ милосердъ;

Онъ въ прахъ унижася предъ праведнѣйшимъ Богомъ,

Въ Каршелѣ своемъ, благомъ и кротко спрогомъ,

Познаетъ и почитъ нѣжнѣйшаго Отца;

Онъ гордость внутренню стирая до конца

Съ души своей сорветъ лжесвятости личину,

Пощетъ самъ въ себѣ скорбей своихъ причину,

Проникнетъ въ грудь свою — и правду возлюбя

Предъ трономъ совѣсти разсудилъ самъ себя;

Посмѣетъ созерцать, отнюдь не принужденно,

Мысль каждую свою и сердце обнаженно,

Пощиня приклонитъ на милость гнѣвъ небесъ,

Плодъ радости пожметъ онъ съявляемыхъ имъ слезъ,

И вѣрой побѣдитъ всѣ козни искушеній.

Сія даетъ вкушать медъ сладкихъ утѣшеній

Грызнымъ гореснью сынамъ ея земнымъ;

Сія смиряетъ смерть предъ смертнымъ немощнымъ,

И можетъ превратить ужасную въ любезную;

Сія наводитъ мостъ чрезъ страшную смерти бездну,

Чтобъ бурю волнъ ея обь оный сокрушивъ,

На онъ полъ времени, доколъ смертный живъ,

Мысль робкую ею переноситъ спокойно;

Чтобъ вѣчность видѣлъ онъ, и вѣчности достойно

всю славу времени вмѣнялъ въ ничтожный прахъ.
 Ся изъ смертнаго изъемлетъ смертный страхъ,
 Изъ смертнаго живитъ цѣлебнымъ симъ недугомъ.
 чрезъ вѣру смертный страхъ творится нашимъ другомъ,
 Се грозныи, пламенный предъ дровомъ жизни мечъ,
 И смертныи безъ него не спалъ бы дни беречь,
 Не спалъ бы дорожить дражайшимъ жизни даромъ;
 И къ небу рѣдко бы вознесъ съ сердечнымъ жаромъ
 За благо на землѣ благодарящии гласъ;
 Скорбѣлъ бы праведникъ въ яснѣйшей жизни часъ,
 Увѣлъ бы скорбію въ свое цвѣтущее время,
 Терпѣлъ бы радости, сносилъ бы ихъ какъ бремя,
 Жадающии вкусить по сердцу своему
 Отъ сладости небесъ обѣщанныхъ ему.
 Злодѣй, руководимъ разсудкомъ ослѣпленнымъ,
 Тщеславіе свое увидѣвъ оскорбленнымъ,
 При мракѣ горести, чтобъ вдругъ избыть бѣды,
 Свирѣпству своему ослабилъ бы броды,
 Въ противность промыслу, по злему произволу,
 Преграду прескочивъ низринулся бы долу,
 Въ подземну глубину, въ жилище вѣчной тьмы.
 Но слабъ и смертный страхъ гдѣ гордость дмитъ умы;
 Тамъ дерзкій чловѣкъ себя разитъ собою,
 И мужествомъ зоветъ побѣгъ постыдныи съ бою:
 Какой ужасный стонъ! се мрачная душа,
 Ко смерти страстію геенскою дыша,
 (Востаайте, демоны! и лаемъ вашимъ грознымъ,
 Не менѣе сего для разума несноснымъ,

Слѣдуетъ залуניתъ словесныхъ срамъ и стыдъ изъ
 Се мрачная душа, противный небу видѣ
 Убіиствомъ гордая исторглася изъ нѣла,
 Въ страну отчаянья какъ буря полетѣла,
 Для смерти вѣчна безсмертная користь,
 И древній Змій шипитъ перзаны ея и грызетъ.

Надъ жерпюю ея прольемъ попоки слезны,
 И взоры ошвращены отъ причесодней бездны,
 Куда словесныя, невѣрствомъ обуявъ,
 На гибель вѣчную ввергаются спремглавъ.
 Мы вѣрой отразивъ соблазны и развраты,
 За всѣ ея дары, за милости богапы,
 Смирениемъ души гордыню погубя,
 Ея въ жертву чистую дадимъ самихъ себя,
 И пакишь обрѣтемъ съ ея избраннымъ стадомъ,
 Какъ мудрыя врачи и самымъ бѣдкимъ лдомъ
 Умѣютъ придавать цѣлебность врачевствамъ:
 Такъ вѣра на земли, разумнымъ существамъ,
 Изъ горестей судьбы цѣлебну почитъ сладость.
 Она же въ ихъ сердца вѣдряетъ миръ и радость,
 Которыхъ средь сущь не меркнетъ чистота:
 Надежда съ дружбою, прекрасная чета,
 По манію ея щастливить насъ готовы,
 И жизни сей стези, печальны и суровы,
 Цвѣтами устичлашь невиннѣйшихъ утѣхъ,
 Отъ коихъ прочь бѣгутъ нечестіе и грѣхъ,
 Которымъ, лишь одна причастна добродѣтель:
 Надежда смертному первѣйшій благодѣтель,

На поприщѣ земномѣ сопутствуетъ ему,
 И бѣдспій жизни сей разсѣвая тьму,
 Злапихъ его лучемъ грядущія опрады;
 Являетъ въ небесахъ блескъ вѣчныхъ награды
 Имущій увѣнчать подвижника чело,
 Который ратовалъ добромъ сражая зло,
 И сердце сохранилъ отъ прелестей безбѣдно.
 Какъ вѣтхое вино, хоть крѣпко, но безвредно,
 Надежда веселитъ унылыя сердца,
 Живитъ ихъ бодростью до смертнаго конца,
 И жизненный свой свѣтъ лиетъ во мраки гробны;
 Надежда все для насъ къ чему мы здѣсь способны,
 Для тѣла здравіе, и крѣпость для души,
 Которую страстей не зыблютъ мятежи;
 Пріятна и тиха какъ лѣтній вечеръ мирной
 Прохладой дышущій подъ пивердію сафирной;
 Се чаша полная, ліющая чрезъ край
 Утѣхи на людей! се ихъ подлунный рай!
 Такъ промыслъ Вышняго, благій неизрѣченно,
 Въ надеждѣ намъ даетъ сокровище безцѣнно,
 Предъ коимъ злато все какъ брѣніе путей.
 Не меньше сладостна и дружба для людей,
 Земнаго щастія предѣлъ и совершенство.
 Коль долу спустится небесное блаженство,
 Въ замѣну небесамъ находитъ дружды грудъ,
 Гдѣ сходятся сердца отъ міра отдохнутъ,
 Не быть игрищемъ смятенію мірскому,
 И каждое изъ нихъ возглавіе другому.

Другъ друга веселятъ; веселіе — мѣна,
 (И радости душа чуждается одна)
 Дыша одно другимъ, живятъ одно другое,
 И нѣжась въ своемъ божеспіваномъ покоѣ,
 И черпаютъ восшоргъ въ благихъ своихъ рѣчахъ,
 Въ улыбкахъ искреннихъ, въ смѣющихся очахъ,
 И пользуясь златымъ отъ всѣхъ суемъ досугомъ,
 Въ бесѣдахъ сладостныхъ сливаются другъ съ другомъ.
 Бесѣда огонь души воспламеняетъ въ насъ,
 Снабжаетъ пищею, Чѣпобъ оный не угасъ,
 Но душѣкъ испинѣ согрѣлъ бы теплоюю.
 Вода недвижная вредится отъ застою,
 И въ благо преворясь раждаетъ сонмы пучь:
 Мутится здравый смыслъ коль словомъ не текучь,
 На то ли отъ небесъ мы словомъ одаренны,
 Чѣпобъ мысли наши въ насъ оспѣались затворенны?
 Таится въ сердцѣ мысль какъ внутрь земли руда,
 Сплавляется въ слова и цѣнится тогда,
 Является на свѣтѣ бѣдна или богата,
 Металловъ подлыхъ смѣсь иль чистый слитокъ злата,
 Бесѣда межъ друзей всѣхъ радостей соборъ.
 О крошкан вражда! о тихій, мирный споръ!
 Коль дружбой движимы, гнушаясь гнѣвнымъ чувствомъ,
 Сражаются умы сужденія искусствомъ,
 Отъ ихъ сраженія рождается правды блескъ,
 И дружбѣ возгремитъ сердецъ согласныхъ плескъ;
 Для смертныхъ дружба жизнь — и Царь земнаго круга
 Не ищія ли въ вѣщѣ когда лишенъ онъ друга?

Полезна жизнь друзей, и смерть ихъ намъ урокъ:
 Коль друга нашего сражаетъ смертный рокъ,
 Возсядемъ при одрѣ болѣзней и спраданій,
 И сердце, томное отъ частыхъ препешаній,
 Чрезъ вѣру и любовь на подвигъ укрѣпя,
 Спрадальцу послужить понудимъ мы себя;
 Встрѣчать ужасну смерть къ болящему идущу,
 Пошъ хладный опираться, держать главу падущу,
 Душею и лицомъ склоняся надъ нимъ,
 Сближаться мыслию съ ничтожествомъ своимъ,
 Приникнувъ къ вѣрному судьбы своей зеркалу,
 Свѣшльникъ жизненный зрѣть гаснущимъ по малу,
 (Какъ сей, то скроется, то вновь блеснетъ во мглѣ,
 Чтобъ брэнность освѣтитъ живущихъ на землѣ,
 Доколѣ смертной тѣмы опустится завѣса)
 И въ каждомъ слышимомъ біеніи отвѣса
 Гласъ вѣчности внимаць, гремящій съ высоты,
 Чтобъ наши разогнать житейскія мечты,
 Распаять въ насъ какъ воскъ сердца окаменены,
 И въ нихъ напечатлѣть, черты воспламенены,
 Страшилище суешъ, претящій смерти зракъ,
 Отъ коего бѣжишь грѣховный всякій мракъ.
 Лишая насъ друзей, въ нихъ щастія земнаго,
 Жестокая къ намъ смерть караетъ насъ во благо;
 Рветъ перя изъ крилъ людскія суешы,
 Низводитъ съ очья воздушной высоты,
 Куда щеславіе вносило насъ кичливыхъ,
 И нудишь насъ отнасть олъ мыслей горделивыхъ,

Свой собственный исходъ провидѣть не вдали,
 Лешать надъ самою поверхностью земли,
 (Чтобъ міръ намъ не вредилъ чести своихъ навѣтомъ)
 Доколѣ взрывѣ ея снижаемымъ полетомъ,
 Гордыню тлѣющую вселимъ въ презрѣнный прахъ.
 Умершие друзья живутъ у насъ въ сердцахъ,
 Чтобъ къ онымъ привязать, союзомъ спрасши нѣжной,
 Ужасную намъ мысль о смерти неизбѣжной,
 О коей робкій умъ спрашится вспомнущъ;
 Углаживающъ намъ ко смерти жесткой путь,
 И въ шествіи по немъ готовятъ намъ отрады,
 Бывъ сильны сокрушить всѣ ужасовъ преграды,
 Какія брэнное намъ ставитъ естество,
 Чтобъ вѣчныя души замедлитъ торжество.

Умершіе друзья живыхъ не забывая,
 Спускаются на нихъ какъ туча дождевалъ,
 Чтобъ буйственныхъ спрасшей палаціей жаръ и зной
 Въ груди ихъ угаситъ — и жизни сей земной
 Блескъ вредный заслонитъ пѣмый ихъ очами,
 Который иногда сліянными лучами
 Удобенъ ослѣпитъ и мудрые умы.

Такъ дружба на земли изъ тѣней стерпной тьмы
 Какъ солнце возсіявъ животворитъ словесныхъ,
 И свѣтло веселитъ лучемъ утѣхъ небесныхъ,
 Но сущность и красу которыми славна,
 Отъ вѣры пламенной заимствуетъ она,
 И правдою дыша гиушается обманомъ.
 Такою дружбою Давидъ съ Іонафаномъ

Связавъ свои сердца и души сочставъ,
 И весь воспламенивъ свой внутренний составъ,
 Клялися предъ лицомъ Всевидца всеблагаго
 И жить и умирать единый для другаго;
 А дружба свѣтская, бывъ святости чужда,
 Есть спящая въ груди подъ лестию вражда.
 Не можетъ Божій врагъ быль другомъ человеку;
 И шельмъ подвергнется небесъ благихъ упрёку,
 Кто въ выборъ друзей не всемъ умомъ радѣлъ,
 Кто самъ Иосафатъ, чистъ върою отъ дѣлъ,
 Но дружбой не мерзитъ съ Ахавомъ богомерзкимъ.

О смертный! не бывай пропияу въры дерзкимъ,
 Хранящей въ жизни насъ какъ чадъ ея Отца,
 Дающей въ смерти намъ блаженство безъ конца;
 Только отъ нее пріавъ благотвореній,
 Не медли ей воздать хвалу благодареній.
 Чтوبъ грудь твоя, была любовью къ ней полна,
 Читай усидицъ священны писмена,
 Перспомъ Всесильнаго начертанныя спроки,
 Превѣчной мудрости высокіе уроки,
 Въ которыхъ облегченъ на небо намъ восходъ,
 Которыхъ изобрѣсть не могъ бы смертныхъ родъ
 Въ печени вѣковъ живущій по вселенной,
 Всей силою умовъ въ одно совокупленной;
 Которыхъ не сожжетъ и лютый шельмъ пожаръ,
 Чпо въ спрашный день суда испишетъ вѣтъ земный царъ,
 И пламенемъ обливъ располнитъ торни сроды;
 Которыхъ ни черта въ рущенія природы

Погибнуть не должна, ниже познать вреда;
 Глаголы вѣчнаго не прейдуть никогда. —
 Читай въ нихъ Божество душевными очами,
 Оно сіяетъ въ нихъ яснѣйшими лучами
 Чѣмъ въ солнцѣ и лунѣ и въ звѣздныхъ небесахъ,
 И въ свѣтлыхъ красотою природы чудесахъ.
 Читай — и торжествуй души своей изрядство,
 Зри въ ней безцѣнное свойствъ Божиихъ богатство,
 Познай, что дочь она Создателя міровъ,
 Что смертию съ себя снявъ тлѣнности покровъ,
 Взвѣется къ вѣчности безсмертія крилами;
 И жизни временной одѣлана дѣлами,
 Или допустится на свѣтлый въ небѣ бракъ,
 Или осудится на вѣчный въ адѣ мракъ.
 Читай — и изумись — но сердцемъ вѣруй смѣло,
 Что бренное твое и мертвенное тѣло,
 Во чревѣ ли земли испаѣетъ въ мѣлкій прахъ,
 Или по воздуху развѣется въ паракъ,
 Но сущность сохранитъ — и въ день послѣдній міра
 Услышитъ новое *да будешь* отъ зѣира,
 Распоргнешъ на себѣ всѣ цѣпи смертныхъ узъ,
 Сцепается съ душой въ нерушимый союзъ,
 Чтобъ славою сіять опѣ солнца славы вѣчной;
 Иль въ безднѣ пламенной, безбрежной, безконечной,
 Вращаться и горѣть и не старать во вѣкѣ.

Когда же какъ пчела ты сладости извлекъ
 Изъ мысленныхъ цвѣтловъ въ Едемѣ семѣ духовномъ,
 Всѣмъ сердцемъ поучась въ учени верховномъ,
 2

Составить поспѣши сотѣ доблести въ груди,
 И ведомѣ дѣль благихъ и ближнихъ услади,
 И Богу усладись бывая непорочнымъ.
 Печаль ли осѣнишь тебя криломъ полночнымъ?
 Ты къ истинѣ ступай изъ мрака своего;
 Ты благо сотвори не чая ничего;
 Ты честной нищеть, не злой распустства дщери,
 Широко разтвори гостепримны двери;
 Будь другу своему усерднѣйшій слуга,
 Помилуй своего лютѣйшаго врага,
 Невѣжество наставь, утѣшь тоску унылу;
 Страсъ сильну укроти, и кротости дай силу;
 Порокъ свой побѣдивъ, побѣду побѣди,
 Срази въ тщеславіе возникшее въ груди;
 О жизни совѣщай со смертію безлестной,
 Иль съ сердцемъ пламеннымъ, съ надеждою небесной,
 Моленія пролей и слезы предъ Творцемъ,
 Предъ Богомъ нѣмошствуй какъ чадо предъ отцемъ,
 И пей живительну Его отвѣтовъ сладость.
 Но страхомъ разстворай свою о Богѣ радость;
 Дерзая приступать къ божественной хвалѣ
 Свяжи парящія мечтанія крплѣ,
 Стяжи незлобіе и совѣсть нелукаву,
 Надъ всѣми мыслями дай разуму державу,
 Всѣ чувства затвори, всѣ сипрасти утши,
 И въ тайнѣ помолись изъ глубины души
 Въ часы безмолвія полнощныя природы.
 Молитва теплая проникнетъ звѣздны своды,

И свѣта вѣчнаго пропустишь внизъ струю
 На душу отъ грѣха примрачную твою,
 И дастъ ей благодать, едино на потребу;
 А хладная мольба, какъ камень брошенъ къ небу,
 Достигнешь ли едва лазурной синевы,
 И съ клятвой упадешь на верхъ твоей главы,
 И душу поразишь не бодрствующу въ тѣлѣ,
 Небрежну, лѣноспну въ святѣйшемъ вѣры дѣлѣ.
 Препонѣ неустрашись внутри себя и внѣ,
 Предъ вздохомъ къ Божеству развѣются онѣ
 Какъ облачны пары предъ вихремъ быспрошечнымъ;
 Кто къ Господу воззвалъ воззнаніемъ сердечнымъ,
 Уже въ томъ самый мигъ возшелъ въ небесный градъ,
 На змѣя наступилъ и попираетъ адъ.
 Молишвы не пестри излишно краснымъ слогомъ,
 Но вѣрою дыша бесѣдуй просто съ Богомъ,
 Проси отъ Божества божественныхъ даровъ,
 Которыхъ поглотить не можетъ смертный ровъ,
 Щедроты вѣчнаго Подателя достойныхъ,
 И вѣчныя души изяществу пристойныхъ,
 Проси и прими, для сердца — чистоту,
 Для совѣсти — покой, для мыслей — правоту.
 Тогда вознысится твоей духъ непобѣдимый,
 И духомъ Божиимъ въ пучи скорбей водимый,
 Очистится чрезъ нихъ отъ чувственныя тли,
 И будешь дни твои — дни неба на земли.
 Но что? уже разсвѣтъ мои срѣтаютъ очи,
 Се къ западу бѣгутъ толпами тѣни ночи,

Ее утрення звѣзда сверкаетъ съ высоты,
 И съ тверди гонитъ въ низъ остатки темноты;
 Зря свои огни метаетъ по аэиру,
 И солнце не косня явится въ славѣ міру,
 И звѣзды всѣ затмивъ лучистой красотою,
 Взойдетъ на небеса, начнетъ свой путь златой.

И такъ прости о Ночь, наставница благая!
 Ты ревность къ мудрости во грудь мою вдыхая,
 Внутри сердца моего спрасней смирила шумъ,
 И свѣта истины взыскующій мой умъ
 Безмолвіемъ вела отъ мыслей къ мыслямъ новымъ;
 Ты пѣніямъ моимъ, нестройнымъ и суровымъ,
 О долгѣ смертнаго въ подсолнечной странѣ,
 Внимала, Кроткая! въ глубокой тишинѣ.
 Доколѣ жизнь моя не рухнетъ земная,
 Дотолѣ на земли тебя вспоминая,
 Полщусь не заблудитъ отъ праваго пути,
 И тѣмъ тебѣ хвалу достойву принести.

Благословляю васъ, мгновенія священны!
 Изъ мрака времени разсудкомъ исхищенны,
 Когда моя душа, свободный взявъ полетъ,
 Посилась высоко надъ поприщемъ суетъ,
 Спасалась отъ сѣтей таящихся межъ ними;
 Летала неизменно надъ благами земными,
 И блага своего среди ихъ не обрѣла;
 Узрѣла на землѣ волчды и терны зла,
 И всѣхъ земныхъ вещей познавъ несовершенство,
 Воздвиглась къ небесамъ искать свое блаженство,

Отъ вѣры воспріавъ скорбей своихъ цѣльбу,
 И мощь на трудную съ развратами борьбу,
 Чрезъ вѣру вознеслась къ Тебѣ, Начальникъ вѣры!
 И милостямъ Твоимъ не зришь числа и мѣры,
 Теряются въ судьбахъ премудрости Твоей;
 И утро предваривъ молитвою своею,
 Въ себѣ не удержавъ восторгѣвъ радостей многу,
 Взываетъ, вопіетъ и упренюетъ къ Богу:
 О Солнце вѣчное таинственныхъ небесъ,
 Вина восторгившихъ и мыслящихъ чудесъ,
 Сокрытыхъ у Тебя и явныхъ земнороднымъ!
 Не Ты ли восхотѣвъ, лучемъ своимъ всеплоднымъ,
 Изъ безднъ ничтожества меня произвело,
 Чтобъ я вставъ изъ тьмы вознесъ мое чело,
 И разумомъ, испивъ твой свѣтъ, живошворящій,
 Къ тебѣ на высоту управилъ духъ прѣящій,
 Возчувствовалъ Тебя въ созданіи своемъ,
 Гордился бы моимъ бессмертнымъ бытіемъ,
 Величїемъ земнымъ гнушался быспропечнымъ,
 Смирался предъ Тобою, единымъ безконечнымъ.
 Се солнцемъ Ты весь міръ, Вссильный! просвѣтилъ;
 Но славное сіе свѣтило изъ свѣтилъ
 Какъ искру Ты изсѣкъ изъ тьмы хаоса пвердой,
 Коснися и меня десницей милосердой,
 Премудрость изсѣки изъ нѣдръ моей души,
 И свѣта Твоего меня не обнажи
 Доколѣ смертности обѣмлюся я мглою;
 О! даруй мнѣ всю жизнь дышать Твоей хвалою,

И къ смерти издыхатъ въ Святой Твоей хвалѣ;
 Когда же Ты, призрѣвъ на дремящихъ въ землѣ,
 Умершій смертныхъ родъ воздвигнешь изъ могилы,
 И Время, какъ Самсонъ, собравъ послѣдни силы,
 По манію Твоей премудрыя судьбы,
 Испоргнешь въ ярости вселенныя столпы,
 Обрушитъ на себя огромны звѣзды своды,
 И ляжетъ мертвое въ развалинахъ природы;
 И вѣчность страшная, сърывающая твой совѣтъ,
 Предъ истину Твою на судъ насъ призоветъ,
 О! даруй мнѣ тогда, въ день грозный воздаяній,
 Безъ ужаса воззрѣть на книгу всѣхъ дѣяній,
 Съ какими на землѣ я зрѣлся небесамъ,
 Увидѣть въ книгѣ сей изглаженъ весь мой срамъ,
 Изглаженъ кровію Святѣйшаго завѣща.
 О! даруй мнѣ тогда пріять одежду свѣта,
 Вступитъ въ украшенный любви Твоей чертогъ,
 И тамъ Тебя хвалятъ, Спаситель мой и Богъ!
 Гдѣ гласомъ торжества, числомъ какъ звѣзды многи,
 Хвалу Твою поютъ Тобой созданны Боги,
 Блаженства вѣчнаго вкушаютъ сладкій пиръ,
 И гласомъ пѣсней ихъ гремитъ духовный міръ.